

Альберт Горошко

Хроники Авачинской бухты

Рассказы

Альберт Григорьевич Горошко

Хроники Авачинской бухты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55302463

SelfPub; 2025

Аннотация

Продолжение повести "Русский Остров" – рассказы "Чайка" и "Ракета". Героя книги судьба заносит еще дальше – на Камчатку.

Альберт Горошко

Хроники Авачинской бухты

Чайка

1

Полет проходил ужасно. Турбулентность трепала наш Ил-62, как маленький ребенок треплет за волосы свою первую куклу. Я "плыл" от непрерывной болтанки, дрожания, провалов и взлетов. Несмотря на это, я не переставал радоваться. Перелет из Владивостока в Петропавловск-Камчатский был концом одной жизни и началом другой. Таинственная метаморфоза происходила в небе в течение трех часов. Я превращался из курсанта школы баталеров в моряка-подводника. Перед вылетом я получил новую форму – длинную черную шинель, ушанку из настоящей овчины, теплые шерстяные носки, зимние хромачи, фланелевые брюки и голландку, бушлат, двубортный, с двумя рядами блестящих пуговиц, черную бескозырку, свежую робу, морской и зимний тельники. Часть вещей лежала в рундуке. Там же были и сапоги. С портянками.

На Камчатку я летел один из нашей роты, но со мной был еще матрос из школы механиков, с которым мы перекинулись парой фраз и больше не общались до прилета. Сопровождал нас старший лейтенант, не объявивший нам бу-

дущего места службы. За час до вылета в аэропорту Владивостока он подошел к нашему взводу и, прочитав из блокнота мою фамилию, ничего не объясняя ни мне, ни провожавшему нас капитану-лейтенанту Сайфутдинову, приказал мне следовать за ним. Пройдя в другой конец зала ожидания, заполненного наполовину военными моряками, наполовину гражданскими самых разных возрастов и стилей одежды, заставленного кучами чемоданов и сумок, рулонами ковров, связками обоев, детскими колясками, санками и одним огромным фанерным ящиком с дырочками, он оставил меня в кафе у столика и велел ждать. В кармане у меня было немного денег, которые удалось припрятать в поясе брюк в последнюю ночь на Русском острове, когда все ожидали шмона, спали в шинелях и шапках, боясь, что старики отберут обновки. Но та бессонная ночь прошла спокойно, нас не тронули, и только утром, когда старшина роты забрил нам лбы, наши нервы не выдержали, и мы дали волю накопившейся злобе, обрушив ее на десяток старшин и карасей. Проводы с Русского острова прошли с помпой – такого учебка еще не видела – бунт салажни с нанесением телесных повреждений младшему комсоставу и несколькими дембелям. Нашу мятежную роту отправили в один день, расписав небольшими группами по всему побережью Дальнего Востока – от Владика до Чукотки. Мне выпала удача – я один отправлялся на Камчатку, к знаменитым вулканам и Долине гейзеров!

Я стоял за столиком, насыщаясь куриной ножкой с рисом

и чашкой растворимого кофе с молоком и пирожным, купленными в буфете, и с гордостью вспоминал свое последнее утро в учебке. Настроение было приподнятое, почти дембельское. Ужасы Русского острова остались позади. Сейчас я сяду в самолет, и он умчит меня навстречу неизвестности. Сознание того, что служить осталось всего два с половиной года, вкупе с чувством насыщения едой в фактически гражданской обстановке, наполняло меня эйфорией. Я вполне осознанно ждал от жизни чего-то хорошего. Возможность этого хорошего казалась естественной, логичной, заслуженной. Никто не мог поселить во мне сомнения, никто не мог отнять у меня уверенность. Я просто был счастлив!

Объявили посадку на самолет. Старлей не возвращался, и я купил еще пирожное и тыквенный сок. До отбытия рейса оставалось двадцать минут.

Наконец офицер прибежал в сопровождении маленького щуплого матросика в длинной, до пола, шинели и огромной ушанке, которая делала его похожим на гриб. Лицо матроса было покрыто круглыми лиловыми и зелеными пятнышками и напоминало раскрашенную маску. Матросик увидел витрину буфета, заставленную всякой едой, и глаза на его пятнистом лице загорелись голодным огнем.

– Тарищ, та-а-арищ старший лейтенант, разрешите купить пирожное!

– Некогда, боец, наш самолет отправляется!

– Тарищ старший лейтенант! – матросик чуть не плакал.

Его нижняя челюсть прыгала, как от озноба, костлявая ладонь, тоже пятнистая, суетливо теребила пуговицы шинели.

– Отставить, за мной бегом! – и старлей зашагал в сторону выхода.

Я, изрядно насытившийся, отдал матросу остаток пирожного и едва начатый стакан сока.

– Спасибо, зема, – пробормотал доходяга и затолкал бисквит в рот, проводив его стаканом сока, выпитым залпом. Матросик, очевидно, не наелся, но трястись перестал.

Мы подбегали к трапу. Мне досталось место в голове салона, у окна. Мы взлетели и пока набирали высоту, мои уши сначала заложило ватой, потом залепило воском, и какая-то злая внешняя сила вдавила этот воск с ватой еще глубже мне в голову. Наконец, боль прошла, и мы полетели ровно. Я попытался заснуть и быстро отключился. Мне снился сон, что я в море, на корабле. Проснулся я, когда девятый вал чуть не опрокинул мой корабль. Погода за стеклом иллюминатора была штормовая. В кромешной тьме возникали вспышки, длительность которых исчислялась долями секунды, но след их оставался в глазах на несколько минут, застилая и без того нечеткое из-за качки зрение. Под нами, очевидно, бушевало Охотское море, штормящее, холодное, суровое, чье бешенство и неукротимость доходила до облаков!

Мой сосед уничтожил принесенный стюардессой ужин и уснул, завалившись вперед. Про школу механиков я ничего не слышал, но, кажется, и там учеба была не сахар. Мат-

росик обглодал куриные косточки, съел хрящи и утолщения суставов и сами кости раздавил зубами, проглотив и костный мозг. Теперь он наверстывал в самолете недоспанные в учебке часы. Я спать не мог, мне было весело. Кривым почерком, находясь в состоянии, близком к опьянению, я записывал свои ощущения в записную книжку, которую удалось чудом уберечь от поругания.

Полет подходил к концу. Болтанка прекратилась, небо начинало быстро светлеть, и вскоре тучи, расстилавшиеся под нами, рассеялись. Я увидел бескрайнее поле белоснежных хребтов, сопков, взгорий, разрезанных извилистыми долинами. Одна сторона хребтов светилась под лучами поднимавшегося над горизонтом солнца. Вторая сторона тонула в темно-синих тенях. Поэтому вся картина напоминала детский рисунок моря, где на белом листе синими мазками нарисованы одинаковые дугообразные волны. Началось снижение, салон самолета наполнился свистом, и у меня опять заложило уши. Мы накренились на правое крыло, и линия горизонта ушла наискосок вверх. Потом самолет выровнялся, и я увидел прямо перед собой две огромные горы, которые царствовали над остальной местностью. Верхушка одной из них была скрыта зацепившимся за нее облачком. Самолет быстро снижался, за окном все побежало назад с огромной скоростью, и, наконец, я почувствовал легкий толчок, как от прыжка с трамплина. Мы приземлились.

В аэропорту Елизово старлей оставил нас у выхода в тесном вестибюле, который даже нельзя было назвать залом ожидания. Первое, что мы решили предпринять, это пополнить наши желудки. Слева от больших стеклянных дверей располагался киоск, витрина которого пустовала. В углу под стеклом лежали три пакетика в иероглифах, с чем-то коричневым, похожим на кашаки.

– Это что? – спросил я продавщицу.

– Бананы сушеные.

– Сколько?

– Шестьдесят копеек.

Я пошарил в кармане шинели и извлек оттуда сложенной вчетверо рубль и несколько “десюнчиков”.

– Два дайте!

Продавщица протянула мне пакеты, и я один отдал своему спутнику.

Бананы оказались из братского Вьетнама, твердые, холодные, вязкие и не очень вкусные. Как детский гематоген.

– А еще чего-нибудь есть? – спросил Грибок продавщицу.

– Пирожки есть, с мясом. Двадцать копеек.

Мы взяли по два холодных пирожка. Тонкое тесто скрывало внутри себя твердую сердцевину, которая обещала более надежное насыщение. Я надкусил тесто, и в нос ударил дразнящий запах залежалой начинки – смеси лука, ливера, и мо-

жет быть, мяса. Нашу трапезу прервал вернувшийся старлей, который пришел не один. За его спиной стоял старший мичман, напоминавший доброго моржа – такие густые и широкие были у него усы. Из-под низко надвинутой на лоб ушанки с огромной кокардой на меня смотрели маленькие, подвижные, как будто смеющиеся глаза. Мы отдали честь.

– Матрос Гаранин, – как-то слишком официально начал старший лейтенант. – Вы поступаете в распоряжение старшего мичмана Волосюка. – Матрос Грибков! – Тут я хихикнул, удивившись внешнему соответствию своего нового знакомого его фамилии.

– За мной шагом марш.

Мы только переглянулись, и наши пути, сойдясь неожиданно, разошлись навсегда.

– Студент, говоришь, – расспрашивал меня Волосюк, когда мы широким шагом приближались к Уазику, стоявшему на шоссе недалеко от здания аэропорта.

Я кивнул, оглядываясь на стоявшие слева громадины вулканов. Картина была впечатляющая, еще более величественная, чем казалась с борта самолета. Левее был самый высокий вулкан – Корякская сопка с тем же слегка съехавшим набекрень облачком, три с лишним километра высотой! Недалеко, почти сросшись с ним подножием, стояла Авачинская сопка, к правой стороне которой примостилась еще одна двугорбая гора, не доросшая немного до вулканов. До них, казалось, было рукой подать, но на мой вопрос о точном рас-

стоянии, старший прапорщик с видом местного старожила значительно произнес:

– Двадцать пять километров, сынок!

На фоне зимнего ясного неба белые великаны стояли, как два брата, молчаливые, грозные и неотвратимые! Солнце поднялось еще выше, и тень от Авачинской сопки легла на белый склон Корякской сопки. Мы сели в Уазик, водитель которого не успел оторвать голову от руля.

– Все спишь, Пономарев! Давай, просыпайся, поехали домой!

Пономарев, зевнув, снял с ручника, и мы поехали по шоссе, покрытому толстой коркой укатанного до блеска снега. Городок Елизово, застроенный одно-двухэтажными домами барачного типа, был безлюден. Навстречу нам попало только два грузовых фургона, когда мы выехали на трассу Елизово-Петропавловск Камчатский.

Волосюк закурил. Я сидел сзади, и ветер из приоткрытого стекла задувал мне за шиворот. Черный воротничок, похожий на детский слюнявчик, немного спасал от холода. Подшивать подворотнички нам пришлось научиться быстро – казалось бы, какие на флоте подворотнички – ан нет, и тут они тоже. И сапоги, и портянки – все это полагалось морякам на Севере, а по нормам обмундирования Камчатка считается Севером.

Волосюк стал расспрашивать меня о всей моей жизни, начиная со школы и кончая учебкой. Я охотно отвечал и рас-

сказывал ему все до мелочей, о том, что ходил на дзюдо в школе, о том, что в институте чуть не был отчислен за спор с замдекана, о том, как на Русском острове ел сырое мясо. Старший мичман кивал, широко улыбался, растягивая свои усы, как гармонь, подталкивал Пономарева в плечо, так, что тот один раз заехал на обочину. Настроение мое было под стать погоде. Я растопил ладонью заиндевшее льдом стекло Уазика, и в получившейся полынне вылавливал куски камчатского ландшафта. Ничего подобного я в жизни не видел – под ярко-голубым зимним небом волновалось белоснежное море сопков, залитое холодным низким солнцем. Слева, за лобовым стеклом, виднелся ансамбль вулканов, перед ними темнела узкая, но длинная полоса Петропавловска. Мы ехали южнее, огибая Авачинскую бухту с противоположной стороны. Заснеженные сопки, безоблачное небо, приятный дымок от мичманской сигареты, усердное урчание мотора сморили меня, и я заснул.

3

Разбудил меня треск ручника уже в поселке Рыбачий. Мы стояли на КПП.

Я вышел из машины, пока дежурный матрос с красной повязкой проверял мой военный билет. Морозный воздух, в котором летали кристаллики льда, щипал ноздри. Волосюк снова закурил, а я разглядывал ровную поверхность неболь-

шого залива слева, другой берег которого бугрился невысокими сопками, на которых еле различались под снегом заросли стланика. Дежурный вернул документы, и дальше мы пошли пешком, а Пономарев развернулся и поехал в поселок. За нами скрипнула калитка. Волосюк неожиданно бодрым при его солидной фигуре шагом устремился вперед, я еле поспевал за ним, скользя по накатанной до блеска дороге.

Впереди показались первые постройки – двухэтажные белые казармы с двускатными крышами. Мы прошли первое строение и вошли во второе. После яркой улицы я не сразу привык к полутьме помещения, мне показалось, что в нем просто занавешены все окна. В стене напротив светился дверной проем, к нему-то мы и направились. В роте ничего не было, кроме дневального, который вытянулся и отдал честь мичману. Проходя мимо, Волосюк спросил его:

– Где Бережков?

– В баталерке, товарищ старший мичман!

– Добро, – ответил он.

Мы прошли в баталерку, освещенную яркой лампой под потолком. За столом, перелистывая испещренные плюсами и минусами страницы толстой общей тетради, сидел крепкий светловолосый старшина первой статьи с широким приветливым лицом.

– Ну, встречай старпома, Володя! – наигранно, с паузами, проговорил Волосюк и похлопал меня по плечу. – Вот он, знакомьтесь.

Старшина встал, протянул мне твердую и цепкую ладонь.

– Располагайся, – Бережков указал на свободную полку на стеллаже, забитом стопками вещей – бельем, робами, тельниками, кальсонами.

Пока я разбирал рундук, Волосюк шептался с баталером, поглядывая в мою сторону. Они говорили обо мне.

– Своди его на камбуз, потом пусть ложится отдохнуть. Завтра воскресенье, в понедельник покажешь ему Чайку. Ну, матрос, чувствуй себя как дома! Но... не забывай! – и оба они добродушно рассмеялись.

Когда мы шли на завтрак, старшина рассказал мне, что новое место моей службы – штабная команда, самое лучшее, что можно желать. Сам он отправлялся на дембель, и его задача – подготовить себе достойную замену. Желательно, в моем лице. Меня выбрали не случайно, как студента Московского вуза, с хорошей анкетой и рекомендациями от командира роты в школе баталеров. “Так вот кому я обязан!” – подумал я. Сайфутдинов, этот опытный тактик и тонкий стратег, везде искал возможности наладить связи. Я был всего лишь разменной монетой в его большой игре, название которой – военная карьера. Я был один из немногих студентов в его роте, к тому же, “художник”. А это значит, мог пригодиться в штабе, как секретчик – специалист по работе с картами, например, и, работая в штабе, упоминать его, Сайфутдинова, в разговорах, в том числе и с высшим начальством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.